

ISSN 2227-2844

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 24 (283) ГРУДЕНЬ

2013

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

№ 24 (283) грудень 2013

Засновано в лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію:
серія КВ № 14441-3412ПР,
видане Міністерством юстиції України 14.08.2008 р.

Збірник наукових праць внесено
до переліку наукових фахових видань України
(філологічні науки)
Постанова президії ВАК України від 18.11.2009 р. № 1-05/5

Журнал включено до переліку видань реферативної бази даних
«Україніка наукова» (угода про інформаційну співпрацю
№ 30-05 від 30.03.2005 р.)

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка
(протокол № 4 від 29 листопада 2013 р.)

Виходить двічі на місяць

КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЗМІСТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

1.	Синельникова Л. Н. Пиарология как наука о закономерностях моделирования социальных коммуникаций	6
2.	Джинджолия Г. П. Образные обозначения времени и их трансформация (на материале поэзии Б. Пастернака).....	17
3.	Соболева И. А. О семантико-понятийной соотнесенности и «конкуренции» понятий <i>арго</i> — <i>жаргон</i> — <i>сленг</i> — <i>социолект</i>	24
4.	Розсоха В. А. Маркеры пародийного дискурса (на материале сборника «Парнас дыбом»).....	32
5.	Минаева Э. В., Пономарева Т. А. Концепт «Дом» в современном поэтическом тексте	45
6.	Грищенко Е. В. Лингвоэкология: поддержание равновесия концептосферы....	55
7.	Sinelnikova L. N., Dzhindzholiya G. P., Grischenko E. V. The triad «Style. Text. Discourse»: paradigmatic relations (Article 1. Functional stylistics).....	62
8.	Масленников И. С. Дискурс обратной связи в различных контекстных условиях..	68
9.	Розсоха А. В. Лингвокультурный типаж «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко (на материале рассказа «Нянька»).....	79
10.	Эсаулова И. А. Категория неопределенности в проекции на личность в ее этических проявлениях	89
11.	Матросова И. В. Гендерно обусловленные различия в жанре эссе.....	97
12.	Фомберг О.А. Семантико-прагматический анализ компьютерного сленгизма «смайлик».....	105

НАШИ ГОСТИ

13.	Трошева Т. Б. Русские пословицы аграрной тематики и их роль в профессиональной коммуникации (Краснодар, Кубанский государственный аграрный университет).....	113
-----	--	-----

14.	Бик І. С., Кучик Г. Б. Наукові підходи до визначення поняття <i>політичний дискурс</i> (Львівський національний університет імені Івана Франка).....	120
15.	Барінова О. В. Лексикографическое представление клишированных колоративов русского языка (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара).....	128
16.	Сунчица Денић Нова српска књижевност Косова и Метохије.....	136
17.	Стана Смиљковић Српска савремена литература у балканском контексту.....	148

ХРОНИКА

18.	Минаева Э. В. XII Международная конференция «Дискурсология: язык, культура, общество» (Луганск, 18 — 19 апреля 2013г.).....	160
-----	--	-----

РЕЦЕНЗИИ

19.	Синельникова Л. Н. Пётр Червинский. Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц. (Тернополь: Крок, 2012).....	162
	Відомості про авторів	170

Sinelnikova L. N., Dzhindzholiya G. P., Grischenko E. V. The triad «Style. Text. Discourse»: Paradigmatic Relations (Article 1. Functional Stylistics)

Functional styles — scientific, officially-business, journalistic, informal, belles-lettres — help to develop the understanding of the specific character of communicative-cognitive activity in any social sphere.

Educational and methodical references contain a number of important aspects hidden in definitions of the notion «style» and in different methods of its analysis, which makes the knowledge on the course in the section «Stylistics» topical.

The topic «Style» can help to learn stylistic differentiation of language units on different levels of language system (first of all — on its lexical level), invariant (basic, invariable) signs of functional styles of language and speech and their variable characteristics which depend on peculiarities of modern language situation (dialogic and personalized forms of communication, appearance of new genres and types of speech), and also to study the meaning of the notion «stylistic norm».

Variability as a result of the integration of styles and expansion of the elements of the conversational style into «book» styles influenced the concept of a «stylistic norm» in the understanding of which a sociocultural component becomes topical.

The knowledge on the problems of stylistics; the glossary, prepared by the authors on the basis of the knowledge achieved by the modern science; the proposed algorithm of a stylistic analysis; questions for self-testing are defined by the authors as educational and evaluation guidelines necessary for creative mastering the issues of functional stylistics.

Key words: functional style, text, discourse, stylistic norm, text structure, addresser, addressee.

Стаття надійшла до редакції 29.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Зеленько А. С.

УДК 81'42

И. С. Масленников

**ДИСКУРС ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В РАЗЛИЧНЫХ
КОНТЕКСТНЫХ УСЛОВИЯХ**

Для характеристики роли контекста в коммуникации важны используемые в лингвистике понятия об экстралингвистическом и имплицитном контексте. Первый (противопоставляемый собственно лингвистическому контексту) представляет собой неязыковой фон

коммуникации. ИмPLICITный контекст (противопоставляемый эксплицитному, т. е. непосредственно наблюдаемому лингвистическому и экстралингвистическому контексту) составляет совокупность фоновых знаний участников коммуникации.

Контекст играет исключительно важную роль в процессе восприятия устной речи. Для того, чтобы объяснить легкость и скорость, с которой слушающие воспринимают и усваивают информацию, исследователи обращаются именно к влиянию контекста.

Процесс восприятия зависит в основном от двух групп факторов: от фонетической информации, т. е. фактического звукового оформления высказывания, и от предшествующего контекста и информации более высоких языковых уровней (лексического, синтаксического, семантического и прагматического). В этой связи важным является то, какие типы контекста, на каком этапе восприятия речи и каким образом оказывают влияние на процесс восприятия информации.

В современной научной литературе можно найти большое количество типологий и классификаций контекста, соответствующих целям и материалу исследования. Так, принято выделять микро- и макроконтэкст, где микроконтэкст — это минимальное окружение единицы плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т. д., а макроконтэкст — окружение единицы, позволяющее установить ее функцию в целостном тексте. Определяются признаки эксплицированного (эксплицитного) вербального и невербального контекста и имплицированного (имплицитного); по функциональному принципу выделяют разрешающий, погашающий, компенсирующий типы контекста. В лингвистическом словаре О.С. Ахмановой названы бытовой, театральный, топонимический, метафорический типы контекстов [1, с. 206—207]; совершенно особо контекст трактуется в литературоведении и в исследованиях по эстетике. В наши задачи не входит полное реферирование проблемы контекста, поэтому ограничимся описанием лишь некоторых типов контекстов.

В статье ставится задача — рассмотреть проявления обратной связи в нормативном и ненормативном контекстах. Данная проблема находится в русле важнейших современных исследований, поскольку понятие «контекст» является изменчивым, быстро реагирующим на экстралингвистические факторы. Развернутое описание контекста и его типологии представлено в работах И.Г. Торсуевой [2], Г.В. Колшанского [3], Р. Вердербера [4] и др.

Цель статьи — анализ основных особенностей проявления обратной связи в нормативном и ненормативном контекстах в условиях межличностного общения.

Методологической базой нашего исследования является положение о диалектическом единстве нормативных и ненормативных факторов коммуникации, выбор которых прагматически обусловлен. Обратим внимание на факт тесного союза разрабатываемого нами

подхода к анализу обратной связи с проблемами современной прагматики. По мнению Л.Н. Синельниковой, дискурс обратной связи включает фактор адресата и фактор адресанта в общее семантическое, стилистическое, оценочное поле интегрированной я-концепции, в которой **я** как персонально, так и надперсонально, связано с когнитивно-языковыми установками и нормативными (или ненормативными) пристрастиями социума» [5, с. 186].

Рассмотрим типы контекста, основываясь на языковых (материальных) индикаторах. В зависимости от их характера различаются нормативный и ненормативный типы контекста [6, с. 18—19]. Под нормативным контекстом мы понимаем контекст, в котором применяются и подвергаются анализу те единицы языка, которые соответствуют определенным языковым нормам: лексическим, акцентным, синтаксическим, морфологическим и др.

Нормативный контекст, на наш взгляд, предполагает следующее:

- 1) согласованность стратегий и тактик собеседников;
- 2) взаимоприемлемую для коммуникантов тональность общения;
- 3) искреннюю (а не показную) заинтересованность в предмете обсуждения, а также в содержании сказанного собеседником;
- 4) адекватное вербальное и невербальное воплощение прагматических установок участников диалога;
- 5) достижение в процессе коммуникативного акта хотя бы частичного взаимопонимания и согласия сторон.

О нормативном контексте можно говорить в тех случаях, когда собеседники без видимых затруднений реализуют свои интенции и ожидания. Строя высказывание, любой участник речевого диалога надеется быть как минимум услышанным и правильно понятым. Адресант рассчитывает на реакцию адресата даже в тех случаях, когда эта реакция не программируется ни типом использованного речевого акта, ни содержанием произнесенного высказывания [7, с. 160—161]. Успешность коммуникации зависит от знания общающимися предмета речи, от установок адресата и от того, как эти установки декодируются адресатом [8, с. 90].

Общее коммуникативное действие субъектов общения предполагает наличие обратной связи, то есть информации о том, как реципиент воспринял коммуникатора и его сообщение, оценил поведение собеседника, в том числе — речевое. Механизм обратной связи заключается в том, что коммуникатор только тогда поймет, что его информация интерпретирована правильно, когда произойдет смена ролей: реципиент превратится в коммуникатора и своим высказыванием подтвердит, что он понял и воспринял смысл информации. Такой сценарий возможен преимущественно в нормативных контекстах. Именно благодаря обратной связи коммуникация приобретает значимость в психологическом, социальном, социально-психологическом контексте.

Профессор Л.Н. Синельникова справедливо отмечает, что успех обратной связи зависит от меры совпадения кодов отправителя информации и ее получателя. Адресант кодирует смыслы отнюдь не только в соответствии со своим мировосприятием и содержанием своего языкового тезауруса, но и проецирует его на сферу языкового сознания адресата. Адресат в той или иной форме «присутствует» во всех сегментах межличностного диалога. По вектору установления доверительных отношений с адресатом располагаются фатические (контактоустанавливающие) средства, которые соотносятся с фазами общения и с этапами управления восприятием адресата. Установка на кооперацию с адресатом, использование «сигналов» его языковой картины мира смещает представление о типах речевой культуры — элитарном, среднелитературном и литературно-разговорном [9, с. 16—28]. В различных типах контекстов названные типы синтезируются [8, с. 92—94].

Принято считать, что с высокой обязательностью вызывают ответ такие речевые акты, как вопросительные и (с несколько меньшей степенью облигаторности) побудительные. Во многих коммуникативных ситуациях речевые единицы типа А (см. примеры) — наиболее естественный, лаконичный и удобный для участников диалога способ реагирования на прозвучавшее вопросительное или побудительное высказывание. Например:

1) (А. и Б. возвращаются вечером из гостей по весенней распутице) А. *Прямо пойдём?* Б. *Давай* // *А то налево мы увязнем*//;

2) (Б. болеет гриппом) А. *Я заварила тебе шиповник* // *Не забудь выпить* // Б. *Ладно* / *спасибо* // *Попью-попью* //.

Но большое число примеров из разговорной речи свидетельствует о том, что и повествовательные высказывания порождают речевые реакции (информативные или фатические). Например:

1) (А. собирается на работу) А. *Что-то опять нахмурилось* // Б. *Да* / *погода не очень* // А. *Ничего* / *возьму зонт* //;

2) Е. *Газеты наверно уже принесли* // М. *Хорошо* / *я посмотрю* // (берет ключ и идет к почтовому ящику);

3) (А. в течение длительного времени набирает номер телефона родственника) А. *Нет* / *Константину дозвониться невозможно* // Б. *Ну ладно* / *что ж теперь?* [7, с. 162].

Чем объясняется отмеченная выше особенность? Представляется, что причин, по которым в разговорном диалоге и на повествовательные высказывания в большинстве случаев следуют речевые реакции, как минимум две. Первая состоит в том, что законы гармоничного диалога (здесь и далее мы будем рассматривать гармоничный диалог как имманентную составляющую нормативного контекста. — *И. М.*) требуют не оставлять без внимания и ответной реакции ни одного суждения собеседника. В условиях речевого диалога отсутствие вербальной

реагирующей реплики, молчание в ответ на чье-либо высказывание — не менее красноречивая реакция на речь, чем словесная [10, с. 67—78].

Вторая причина фактической обязательности реакций в ответ на любое высказывание, на наш взгляд, состоит во включенности речевого диалога в реальное бытие людей, в фактический деятельностный контекст. Информация, преподнесенная как констатация чего-либо, может быть связана либо простым и очевидным образом, либо завуалированными и сложными отношениями с планами участников разговора, их предполагаемыми действиями и т. д. Например:

А. *Надо завтра с утра телефон отвезти в ремонт* // Б. *Давай* // А. *А / нет... Завтра среда?* Б. *Да* // А. *Завтра не получится* // *У них выходной* // Б. *Ну давай в четверг я его завезу / на работу поеду* // А. *Хорошо* [7, с. 163].

Следует отметить, что большинство коммуникативов ориентировано именно на гармоничное речевое взаимодействие. Наиболее явно об этом свидетельствуют высказывания типа согласия / подтверждения (*Да, Конечно, Не говори (-те), Разумеется, Безусловно* и под.) и оценки-регулятивы (вторичные коммуникативы, возникшие на базе аксиологических высказываний) с позитивно-оценочной семантикой (*Хорошо!*; *Чудесно!*; *Замечательно!*; *Славно!* и пр.). Например:

(Разговор о детях) *К ним очень привязываешься* // *И наша тетя Ксения / она ведь тоже к нему привязана / к Димке* //

Б. *Конечно / уж привыкла* //

А. *Привыкла / ну она же его с пеленок (=нянчит) / что же с месяца* //

Б. *Конечно* //

А. *С двух* // *Конечно / она привыкла* // *Сегодня как-то я...*

Б. *И он к ней привык* //

А. *И он привык* // *Он ее ждет... Гулять* // *Потому что знает / что больше всего гуляет он с ней / конечно* //

Б. *Ну конечно* [7, с. 163].

Наш материал подтверждает мнение О.Н. Ермаковой и Е.А. Земской относительно того, что в живой речи коммуниканты не склонны следовать постулатам (максимам) общения, выдвинутым Г. Грайсом: «Говорящие часто не бывают краткими и достаточно информативными, при этом они могут говорить лишнее, не всегда говорят правду, не всегда говорят ясно, избегая двусмысленностей...» [11, с. 35]. Так, в приведенном выше фрагменте диалогического дискурса имеются очевидные длинноты и повторы, отмечается и некоторая непоследовательность изложения (в речи А.), т. е. не соблюдена сформулированная Г. Грайсом *максима манеры речи* (*Говори ясно, коротко и последовательно*). Тем не менее это не создает коммуникативного дискомфорта для собеседников — напротив, они беседуют с явным удовольствием, выражают искреннюю

заинтересованность сказанным, приходят к взаимному согласию. В качестве языкового показателя оптимального речевого взаимодействия здесь выступает коммуникатив «*конечно*», выражающий полную солидарность адресата со смысловой позицией адресанта.

Гармоничное диалогическое взаимодействие вовсе не предполагает обязательного тождества смысловых позиций коммуникантов. Собеседники могут в чем-то не соглашаться друг с другом и даже акцентировать различия точек зрения на что-либо. Но если при этом полемика носит корректный характер, а в ходе общения достигается хотя бы частичное взаимопонимание, интеракцию можно считать гармоничной. Например:

А. *Но Н. скажем / пишет не для нас // Его читатель / это не мы / не наш круг //*

Б. *Я согласен //*

А. *Но тем не менее он потрясающий писатель //*

Б. *Не могу назвать его потрясающим //*

А. *Вас он не потрясает?*

Б. **Нет** // *Это любопытно / это... достойно чтения...*

А. *Но не более?*

Б. *Но назвать его Шекспиром нашего времени...*

А. (с иронией) *Ну-у...*

Б. *Потрясающее предполагает примерно это // Так что это очень категорично сказано //*

А. **Ну это / конечно...** *Вообще все оценки / они субъективны //*

Б. **Конечно / здесь естественно...**

Идеальный случай — когда тот или иной носитель языка в большинстве ситуаций общения отдает явное предпочтение высказываниям, направленным на максимальную коммуникативную поддержку собеседника, на проявление эмпатии к нему, на создание атмосферы гармоничного, творческого речевого взаимодействия, а в случае возникновения коммуникативной напряженности — на ее снятие и нейтрализацию. Например:

1) А. *Как диссертация?* Б. *Ничего //* *Сижу пишу //* А. **Понятно //** *Долго еще?* Б. *Да с полгода наверное //* А. **Хорошо //**

2) А. *Добрый вечер!* Б. *Здравствуйте!* А. *А Ирину Владимировну можно позвать?* Б. *Ирина Владимировна вышла //* *Будет минут через сорок //* А. *Можно ей перезвонить?* Б. **Конечно //** **Что за вопрос?** *Пожалуйста //* А. *Спасибо //* *До свидания!* [7, с. 164—166].

Таким образом, в гармоничном диалоге, развивающемся в атмосфере взаимной доброжелательности и кооперативности, нормативный контекст является индикатором прагматической согласованности реплик.

Эмпирический материал свидетельствует, что к гармоничному диалогу тяготеют прежде всего коммуникативы согласия / подтверждения и коммуникативные единицы, выражающие

позитивно-оценочную семантику. Однако следует иметь в виду, что дело не только в используемом нормативном контексте, а в тех прагматических значениях, речевых стратегиях и тактиках, которые за ним стоят. В нормативном контексте в принципе могут быть представлены любые коммуникативы (в т. ч. высказывания отрицания / несогласия), но они не должны быть связаны с прямым, лобовым выражением конфронтующих стратегий и тактик участников общения.

Нормативному контексту противопоставлен ненормативный контекст, в котором понятие нормы в той или иной степени нивелируется, т. е. подвержено различным девиациям.

Ненормативный контекст длительное время оставался за пределами внимания лингвистов, что было связано с рядом причин. Ненормативный контекст, являясь одновременно негармоничным, явно не относится к числу эталонных проявлений речевой коммуникации. Дискурсы подобного рода нередко нарушают не только законы эффективного речевого взаимодействия, но и элементарные этические нормы.

Негармоничное речевое взаимодействие характеризуется реализацией одной или нескольких негативных в коммуникативном плане характеристик: 1) несогласованностью или даже конфронтативностью речевых стратегий и тактик собеседников; 2) возможностью неприемлемой хотя бы для одного из участников тональности речи; 3) отсутствием подлинной заинтересованности предметом обсуждения или содержанием высказанного; 4) вербальным или паралингвистическим выражением негативных установок по отношению к содержанию речи или к личностным особенностям собеседника; 5) отсутствием эффективного результата коммуникативного акта.

Негармоничные диалоги различаются по причинам, обусловившим дисгармонию, по степени ее выраженности, по особенностям поведения участников общения в создавшихся условиях, по способам разрешения коммуникативных затруднений.

Причиной дисгармонии в диалоге может быть речевое поведение инициатора коммуникации. Например:

А. Потоплявайся / а то опять уйдет твой автобус // Вечно ты опаздываешь! Б. Почему? Я вообще не опаздываю! А. Ну конечно! А в среду? Б. Ну в среду / это единственный раз / случайно // А. Да уж! Единственный! Б. Ну ладно / ладно! Не будем спорить! [7, с. 169]

Императивность высказывания, подмена рациональной аргументации эмоциональной, запелляционный тон и излишняя категоричность (*Вечно ты опаздываешь!*) вызывают негативную реакцию адресата (взрослой дочери) и воспринимаются им как неоправданное вторжение в сферу его интересов. Отсюда вполне закономерная реакция несогласия (*Почему?*), парирование высказываний

собеседника (ср. исходное *Вечно ты опаздываешь!* и соотносительное с ним реактивное высказывание *Я вообще не опаздываю!*, не уступающее отправному по степени категоричности). А. и далее сохраняет избранную тональность общения, продолжая коммуникативные выпады в адрес Б. и негативно-иронически интерпретируя ее высказывания (ср. коммуникативы *Ну конечно!*, *Да уж!*, передающие модализованное отрицание и ироническое согласие).

Рассмотрим другой диалог, где противостояние адресанта и адресата (не знакомых друг другу) вырастает до полного неприятия.

(Мальчик-подросток раскачивается на ветке. К нему обращается проходящая мимо женщина) А. *Мальчик / ну зачем ты на ветке качаешься? Она же может сломаться!* Б. **Ну и что?** А. *Дерево ведь живое / и ему будет больно!* Б. **Ну и что?** А. *С тобой / я вижу / говорить бесполезно!* [7, с. 170].

В приведенном примере отсутствует истинное диалогическое взаимодействие собеседников. Очевидно, что второй коммуникант (Б.) оценивает общение как нежелательное и навязанное ему первым коммуникантом (А.), поэтому ни одно из высказываний инициатора речи и ни один из выдвинутых им аргументов не воспринимаются адресатом положительно и, в конечном счете, не достигают своей цели. И речь, и неречевое поведение Б. демонстрируют конфронтативность с речевыми действиями А. Дискурс носит подчеркнуто асимметричный характер. Между собеседниками существует целый ряд различий: возрастные, социально-статусные, ценностные и др. Кроме того, по-видимому, это разные типы языковых личностей. Объединяющими являются лишь такие чисто формальные моменты, как принадлежность одному языковому коллективу, общность хронотопа, включенность в одну и ту же экстралингвистическую ситуацию. Из двух собеседников коммуникативно-активная позиция характерна лишь для первого участника разговора. Адресат речи не утруждает себя поисками языковых средств. Его реакции носят подчеркнуто автоматизированный и монотонный характер. Обе реплики Б. сводятся к использованию высказывания *Ну и что?* — коммуникатива, передающего модалное значение вызова по отношению к речи собеседника. Дискурс лишь формально имеет вид диалогического. По сути же, речевого взаимодействия собеседников нет, а есть серия высказываний коммуниканта А., каждое из которых блокируется коммуникантом Б.

Н.И. Формановская подчеркивает, что «в кооперативном общении каждый из коммуникантов вносит свой вклад для достижения поставленных целей. Таким образом, кооперативное (сотрудничающее) общение конструктивно, плодотворно. Конфликтное общение деструктивно, в зоне его действия не могут быть достигнуты позитивные результаты. Хотя возможно посчитать, что каждый из партнеров делает свой вклад, совершает шаг к достижению разрушительных

результатов — брань, ссора, ругань и мн. др. К сожалению, в современном общении много конфликтного» [12, с. 58].

По мнению Р. Вордхау, большинство из нас использует конфронтативные тактики крайне редко, поскольку они являются грубым и отчасти безнадежным способом для достижения целей, которых мы часто можем добиваться более мягкими и тонкими средствами [13, с. 55]. Однако, к сожалению, реальная речевая практика не подтверждает этого оптимистического мнения [7, с. 161—174].

Подводя итоги, стоит отметить, что анализ параметров, позволяющих отнести ту или иную ситуацию речевого общения к определенному типу контекста (в данном случае — нормативному и ненормативному) показал, что нормативный и ненормативный контексты являются самостоятельной языковой средой, поскольку для них характерна определенная сфера коммуникации, специфические признаки адресата и адресанта, диалогическая форма взаимодействия, в ходе которого реализуется цель — поиск решения актуальной проблемы.

Список использованной литературы

- 1. Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
- 2. Торсуева И. Г.** Контекст / И. Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
- 3. Колшанский Г. В.** Паралингвистика / Г. В. Колшанский. — М.: Наука, 1974. — 79 с.
- 4. Вердербер Р.** Психология общения / Р. Вердербер, К. Вердербер. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. — 320 с.
- 5. Синельникова Л. Н.** Языковые изменения конца XX века // Язык: история и современность / Л. Н. Синельникова. — Луганск: Знание, 1999. — С. 42—55 с.
- 6. Елисеева В. В.** Лексикология английского языка / В. В. Елисеева. — СПб.: СПбГУ, 2003. — 44 с.
- 7. Колокольцева Т. Н.** Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. — Волгоград: Издательство Волгоградского гос. ун-та, 2001. — 260 с.
- 8. Данильев А. А.** Масс-медийный публицистический текст как коммуникативное событие // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и Интернет-коммуникация: [материалы международной конференции 19—21 июня 2009 года] / [под ред. О. В. Фокиной] / А. А. Данильев, Л. Н. Синельникова. — М. — Ярославль: Ремдер, 2009. — С. 89—94.
- 9. Сиротинина О. Б.** Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / [под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой] / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович и др. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. — С. 16—28.
- 10. Данилов С. Ю.** Тактика молчания в речевом жанре проработки // Вопросы стилистики: [межвуз. сб. науч. тр.] / С. Ю. Данилов. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. — С. 3—29.
- 11. Ермакова О. Н.** К построению типологии

коммуникативных неудач / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М. : Наука, 1993. — 224 с. **12. Формановская Н. И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. — М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. — 291 с. **13. Wardhaugh R.** How Conversation Works / R. Wardhaugh. — Oxford : Basil Blackwell, 1995. — 230 p.

Масленников И. С. Дискурс зворотнього зв'язку в різних контекстних умовах

У статті описується загальна комунікативна дія суб'єктів спілкування, яка передбачає наявність зворотного зв'язку, тобто інформації про те, як реципієнт сприйняв комунікатора і його повідомлення в різних контекстних умовах.

Контекст грає виключно важливу роль у процесі сприйняття усного мовлення. У зв'язку з цим наголошується на важливості того, які типи контексту, на якому етапі сприйняття мови і яким чином впливають на процес сприйняття в акті комунікації.

У статті досліджуються різні види контексту, зокрема нормативні та ненормативні контексти, проводиться аналіз основних особливостей прояву зворотного зв'язку в цих видах контексту в умовах міжособистісного спілкування. Дається визначення понять «нормативний / ненормативний контекст», які є самостійним мовним середовищем, оскільки для них характерна певна сфера комунікації, характеристики адресата і адресанта, діалогічна форма взаємодії. Особливості представленої типології проаналізовано через призму прояви зворотного зв'язку в кожному з цих типів контекстів як іманентних складових міжособистісного спілкування.

Ключові слова: контекст, зворотний зв'язок, міжособистісне спілкування, гармонійний діалог, негармонійний діалог.

Масленников И. С. Дискурс обратной связи в различных контекстных условиях

В статье описывается общее коммуникативное действие субъектов общения, которое предполагает наличие обратной связи, то есть информации о том, как реципиент воспринял коммуникатора и его сообщение в различных контекстных условиях.

Контекст играет исключительно важную роль в процессе восприятия устной речи. В этой связи отмечается важность того, какие типы контекста, на каком этапе восприятия речи и каким образом оказывают влияние на процесс восприятия в акте коммуникации.

В статье исследуются различные виды контекста, в частности нормативные и ненормативные контексты, проводится анализ основных особенностей проявления обратной связи в этих видах контекста в условиях межличностного общения. Дается определение понятий

«нормативный / ненормативный контекст», являющихся самостоятельной языковой средой, поскольку для них характерна определенная сфера коммуникации, характеристики адресата и адресанта, диалогическая форма взаимодействия. Особенности представленной типологии проанализированы через призму проявления обратной связи в каждом из этих типов контекстов как имманентных составляющих межличностного общения.

Ключевые слова: контекст, обратная связь, межличностное общение, гармоничный диалог, негармоничный диалог.

Maslennikov I. S. Discourse of Feedback in Different Contextual Conditions

Some general communicative actions of subjects of communication, which suggests the presence of feedback, that is information about how the recipient took the communicator and his message in different contextual conditions are considered in the article.

Context plays a crucial role in the perception of oral speech. In this regard, the importance of the types of context is considered, at what stage of speech perception and how the impact on the process of perception in the act of communication is influenced.

The paper examines different types of context, especially standard and non-standard contexts, the main features of display of feedback in these kinds of context in terms of interpersonal communication are analyzed. The definition of the standard and non-standard contexts is given in the article that are independent language environment, since they are characterized by a certain sphere of communication, the characteristics of the recipient and the addressee, the dialogic form of interaction. The examined features of this context typology are analyzed through the prism of manifestations of feedback in each of these types of contexts as inherent components of interpersonal communication.

Key words: context, feedback, interpersonal communication, balanced dialogue, unbalanced dialogue.

Стаття надійшла до редакції 21.10.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.